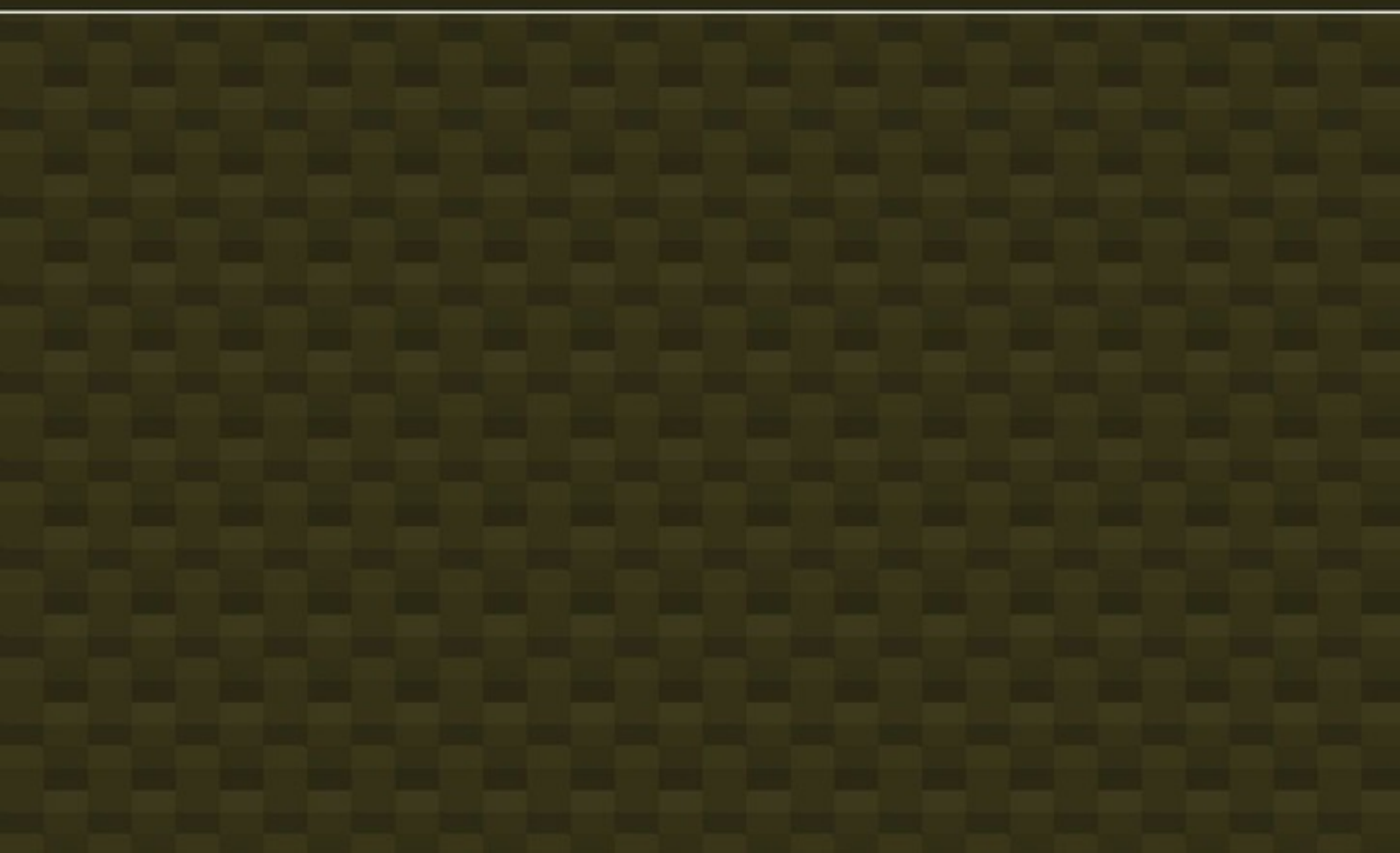

Владимир Симаков

*Все хотели
мира*

Пьесы

Владимир Симаков

Все хотели мира. Пьесы

«Издательские решения»

Симаков В.

Все хотели мира. Пьесы / В. Симаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931607-3

Горе семей, разрушаемых Гражданской войной, несчастье страны, оказавшейся в руках беспринципных, бесчестных «хозяев» и трагедия государства, переросшая в пожар Второй Мировой войны — таково содержание предлагаемых читателю пьес.

ISBN 978-5-44-931607-3

© Симаков В.
© Издательские решения

Содержание

ГОД 1919	6
КАРТИНА I	7
КАРТИНА II	23
КАРТИНА III	33
КАРТИНА IV	39
КАРТИНА V	52
РЕВИЗИЯ	58
ПРОЛОГ	59
КАРТИНА I	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Все хотели мира Пьесы

Владимир Симаков

Редактор А. В. Симаков

© Владимир Симаков, 2018

ISBN 978-5-4493-1607-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Г О Д 1 9 1 9

Размышления

Действующие лица:

Соболевский Николай Николаевич, председатель поселкового Совета;
Мария, его жена;
Вера, их дочь
Котлова Анна, их соседка
Отец Владимир, священник церкви Петра и Павла
Муратов Михаил, военный комиссар Совета
Лобов, Травкин и др. офицеры и солдаты армии Юденича.

Место действия – поселок Вырица Ленинградской области
Время действия – октябрь 1919 года

Ночь сияет во всей красе.
Но в душе те события комом:
Друг на друга смотрят два дома
Через Сиверское шоссе
 Замощенный бульжником тракт
 Отделяет дома друг от друга,
 Но широкий тракт – не порука,
 Что меж ними нет ссор и драк.
Две семьи. Границей – шоссе.
Отношения – без объятий.
Ну а в семьях – все как у всех,
Лишь один грешок – антипатия.
 И тому примером – пожар,
 Что в одном из домов случился,
 А другой улыбкой лучился,
 Когда в стеклах огонь плясал.
Ни разъехаться, ни разойтись
Не смогли два добротных дома
Их демонстративная дрема
Прикрывает давнюю жизнь.

КАРТИНА I

Дом Соболевских на углу шоссе и ул. Полякова. За перелеском видна церковь Петра и Павла. На террасе дома Мария и Анна.

М а р и я. С чем зимовать – ума не приложу:
Запасов в доме разве что картошка,
Капуста да грибы – все понемножку.

А н н а. И у других не лучше, погляжу...
Но твой в начальство выбился супруг —
Не из последних должность Николая!

М а р и я. Ему о доме думать недосуг:
Он за других день-ночь переживает.
А разобраться с каждым и во всем,
Не то что дней – и жизни будет мало...

А н н а. Что до меня – печаль моя в другом,
Загадывать вперед мне не пристало,
А Николай не зря пошел во власть
И уж себя, конечно, не обидит.

М а р и я. Привыкли власть кормушкой все видеть...
Да Соболевский мой не станет красть.
Сегодня ему слава и почет —
Гордиться можно – человек в Совете,
Но если где кого-то припечет,
Ему придется быть за все в ответе...

А н н а. Сейчас-то где?

М а р и я. В Совете он с утра...
Жду на обед: вот-вот придти он должен.

А н н а. Напомнила: и мне идти пора —
Ведь и гостям какой-то срок положен.
Что разговором отвлекла – прости.
Поговорили малость – и довольно.
Пришельцев жду – всех надо угостить,
Коль не побрезгуют моими хлебом-солью.
Опасный ныне гость пошел к тому ж:
У каждого винтовка, плеть и сабля...
Защитником тебе, Мария, муж,
А мне к кому бежать хоть здесь, хоть там ли?

М а р и я. Ты, Тимофевна, странных ждешь гостей:
С чего им быть теперь вооруженным?

А н н а. А ты совсем не знаешь новостей?
Прикинуться не хочешь ли блаженной?

М а р и я. Пришла, так рассказала бы о них...

А н н а. Опять идут солдаты к Петрограду!
И кто сейчас ворчит или затих
Успешному походу будут рады.
Картошкой-то весь подпол не займешь?

М а р и я. А где же ей зимою сохраниться?

А н н а. Я ж говорю: день на день не похож —
Оставь местечко: мужу пригодится.

М а р и я. Хозяину наш подпол ни к чему...

А н н а. Все нынешние власти из подполья,
И думаю, что мужу твоему
Давно пора сравняться с этой голью.
Хотя б в своем подполье побывать...

М а р и я. Наведалась заранее пугать?

А н н а. Да Соболевский – это, Марья, имя!
Но ты боишься голову поднять,
Сидишь, как клуха, с девками своими...

М а р и я. Откуда в тебе, Анна, эта бредь?
С чего ты ждешь гостей?

А н н а. А вдруг заглянут?
Со мною церемониться не станут.
Задобрить надо, чтобы уцелеть.
Прознать бы нам, откуда ждать напасть
И от кого же снизойдет к нам милость?
От нынешних, что захватили власть,
От тех ли, кто на власти ополчились?

М а р и я. И чем же Соболевский виноват?
Намерена сводить с ним счета снова?

А н н а. А Николай твой мне не сват, не брат.
Что против власти значит мое слово?
Во власти у него высокий чин,
И с ним, как прежде, не затянешь песню.
А хочешь жить, так лучше помолчи...

М а р и я. Тебе он плох, другим-то он любезен?!

А н н а. Да я согласна, что не супостат,
Но службою потворствует он бесам.
И это прямиком дорога в ад,
С его, тем более, гордынею и спесью...

М а р и я. Воистину пришел ужасный век,
С прошедшими веками не сравнимый...

А н н а. Все будто позабыли имярек,
Изобрели зачем-то псевдонимы,
Собачьи клички в моде, аж имен,
Им при крещенье данных мы не знаем...
Попала мать-Россия во полон
К безбожникам от края и до края.
А сколько душ безгрешных извели!
Призывам их не устаю дивиться:
Как своим домом и клочком земли
И с кем должна теперь я поделиться?
От каторжников можно ли что ждать!?
От них не будет ни добра ни прока,
Как руку-то могли они поднять
На государя, ставленника Бога?
Страдающей, израненной земле
Спасеньем и защитой – порфира!
Пока владычат нехристи в Кремле,
Нам, православным, не увидеть мира.

М а р и я. Не нам с тобой об этом толковать.
По нашей воле разве что вершится?
Поэтому достойнее молчать
Да Богу за родных своих молиться,
Не ввязываться в эту чехарду,
Случайно чтобы не лишиться жизни,
Чтоб на домашних не навлечь беду
И после не страдать от укоризны...

Анна уходит. Через некоторое время появляется Соболевский.

Н и к о л а й. Как девчата?

М а р и я. Сидят у пруда
Или бегают на поляне...

Н и к о л а й. Ты, я вижу, опять в трудах?

М а р и я. Так тебя ж на дом не достанет...

Н и к о л а й. Маша, чем-то встревожена ты?

М а р и я. А ты сам ничем не встревожен?

Н и к о л а й. Подустал я от маяты,
Что сегодня на нас возложена.

М а р и я. Упреждала тебя, Николай,
Что хорошего в этой власти?
Тут заранее как ни гадай,
Но довольно легко пропасть в ней.
Пулю можно легко поймать...
Ведь чем выше, тем злей интриги,
А на совести лишь вериги,
И захочешь – не сможешь снять.

Н и к о л а й. Говорю же не первый раз:
Я на сходе избран народом...
Кто бы понял там мой отказ?
Кто бы принял самоотводы?
А доверье людей оправдать
Можно честными лишь трудами...

М а р и я. Власть твою идут отбирать
Вновь собравшимися полками!

Н и к о л а й. Нашу власть победить не дано
Ни солдатам, ни генералам.
Все их планы канут на дно,
Словно камни, что в нас бросали.

М а р и я. И когда же придет конец?
Есть ли распрям концы и сроки?
Ты же, Коля, детям отец,
Но в тебе о других тревоги...

Н и к о л а й. Да, работы сейчас через край...
Люди все вниманья достойны...

М а р и я. Непокойно вокруг, Николай.
На душе у меня беспокойно.
Только-только гостя ушла,
Напророчила всякого лиха.
До сих пор трепещет душа...

Н и к о л а й. А пророчица кто?

М а р и я. Котлиха...

Н и к о л а й. Знать, соседке сам бог велел
Свою дурость нести по свету.
Нет у бабы, как видно, дел —
Вот и стала местной газетой.
Успокойся сама и других
Успокой... Если что случится,
Дом и девочек береги,
Коль придется мне отлучиться.

М а р и я. Да пойми: беспокойно мне...
Будто рядом – землетрясение.

Н и к о л а й. Наш поселок стоит в стороне
От больших дорог и движений.

М а р и я. Ты оставил бы свой Совет!

Н и к о л а й. А как быть с доверьем народным?
Я пред всеми принял обет
И теперь я на месте лобном.
Понимаю: страдаешь – ты...

М а р и я. Да надежды только и греют...

Н и к о л а й. Очень жаль, если наши мечты
Ветры завтрашние развеют.
Потому и готов служить,
Чтобы власть народная крепла
И Русь-матушку возродить
Словно птицу Феникс из пепла.

М а р и я. Говоришь ты сейчас не о том,
Лишь к другим проявляешь участие

Н и к о л а й. Мысли всех людей об одном:
О семейном и общем счастье.

М а р и я. Вот семейством-то и займись!
Ведь зима, а запасов – крохи.

Н и к о л а й. Да не будет счастливой жизнь,

Если где-то кому-то плохо...
Я ж кому-то могу помочь,
Чей-то спор завершить согласьем...

М а р и я. Ты хоть имя свое не порочь
Соглашением с новой властью.

Н и к о л а й. А другой власти, Маша, нет.
Есть народная – ей и служим.
И анархия много хуже,
Чем стоящий у власти Совет.

М а р и я. Почему ж против вас идут?
Почему на вас ополчились?

Н и к о л а й. Так в сознании много пут
В людях издавна укоренилось...

Входит Отец Владимир.

О. В л а д м и р. Да почиет в сем доме мир,
В душах ваших, в соседях ваших...
Беспокойствием я томим:
Ваши недруги вновь на марше.

Н и к о л а й. Я о том разговор и веду —
Успокоить жену стараюсь,
Но она как чует беду —
Может, ты уймешь ее малость?
Но тебя привела сюда
Радость чья-то или кручина?
Или хуже того – беда?
Беспокойство не беспричинно...

О. В л а д м и р. У меня короткий рассказ,
Потому и спешу с ответом:
К Петрограду идут войска,
Говорят, что силы несметной.
Ты ведешь поселковый Совет,
Твои помыслы все благие,
Но пока замиренья нет,
Нет и дел, и слова пустые.
Говорю я тебе не в лесть,
Лишь в известность ставлю заранее:
В окружении нашем есть.
Недовольные прихожане.

Н и к о л а й. Те, кому дал малый надел?
А большой-то смогут засеять?
Пашня будет лежать не у дел —
А хозяин хвалиться ею?

О. В л а д м и р. Твои доводы ведаю сам.
Недовольные в озлобленье
Могут нынче уйти к врагам
И пополнить их ополченье...

Н и к о л а й. Не хочу хитрить пред тобой,
Говорю то, что думаю, честно:
Очень хочет народ трудовой
Счастье брать как манну небесную.
Наделить всех землю – пустяк,
Только этой радости мало:
Не хватает в селе работяг.

О. В л а д и м и р. И всегда их доставало.
Нам привыкнуть пора к тому,
Что людишки несовершенны,
Веры нет никому, ничему,
И ленивы они, и блаженны,

Н и к о л а й. Вот о том душа и болит,
Оттого досадно, тревожно:
Можно всех земель наделить —
Трудолюбие дать невозможно.
Как заставить землю любить
Тех, кто был досель безземельным?

О. В л а д и м и р. Уваженье к труду крепить,
Полагаю, с дней колыбельных.

Н и к о л а й. В том и дело: немало годов
Надо, чтобы все получилось —
Потому-то заране готов
И на суд людской, и на милость.
Убежден, что общим трудом
Мы построим новое зданье,
И в совместном труде притом
К нам придет иное сознанье.
Равноправие всех сроднит
На окраинах и в столицах.
Труд совместный объединит
Всех пришедших в наш мир трудиться.

О. В л а д и м и р. Труд хорош, но не всемогущ,
Все, кто может, его избегают.
Такова натура людская...
Кара – только громы из туч.
Труд сегодня ради чего?
Для заоблачных целей, измов?
Для себя ли испечь пирогов?
Для военного ль коммунизма?
Ты считаешь, что сеешь добро,
Поселян землей наделяя,
Но и сам порою не знаешь,

То, что я ощущаю нутром.
И могу уже предсказать:
Люди стали опасней бесов —
Невозможно их напитать:
Аппетиты растут повсеместно...
Жадность, зависть будут вести
К новым ссорам, дракам и войнам.
А из этого не прорасти
Царству божьему для недостойных.
Как построить всеобщий рай
В мире козней, среди соблазнов?
Теоретики и шулера
Этот рай представляют разно.
Кто не с нами, тот против нас —
Таково большевистское кредо,
Но приходится тот же глас
Слышать от врага и соседа..

Н и к о л а й. Мир рассорился с миром вконец
Всяк обиды свои указывает...
Разъяснил бы, святой отец,
Бог за что с нас ныне взыскует?
Не заклятье ль Перуново здесь?
Не его ли в том воля злая?
То Ивана карающий жезл,
То шпицрутены Николая...
И дубина Петра хороша...

О. В л а д и м и р. Да сильна и сама фигура!

Н и к о л а й. И свобода на Русь пришла
С пролетарскою диктатурой!
И уже не знает никто,
Чем она для людей обернется?
И под чьей рукой иль пятой
По утрам встречать будем солнце?

О. В л а д и м и р. Нами правит коварный змий,
Сея в душах зло и немилость.
И заветное «не убий»
В головах и душах забылось.
Не желаем людей убеждать,
Все решается только силой —
Научились только стрелять
И копать, и множить могилы.
Божья нас обошла благодать...
Что таить? Грехи наши тяжки.
Мы страдаем в одной упряжке,
Оттого что любим склонять,

Применяться к чуждым умам,
Верить в зарубежные «измы» —
Вот страну и несет по волнам
Беззакония и анархизма...
В разоренье лежит страна,
Иноземной разъята ложью,
Что в Европе изобретена,
Что отринула церковь божью.
Но конец предрешен давно —
Бредит власть вавилонской башней

Н и к о л а й. Если будущее дано,
Нет нужды большой в дне вчерашнем.

О. В л а д и м и р. Вера гибнет... Где города,
Подменившие веру ложью?
Их сгубила гордыня, тщета
Дел земных и немилость божья.

Н и к о л а й. Что историю ворошить,
Брать из прошлого укоризны?
Нам сегодня дано вершить
То, что пало на наши жизни.
Наш сегодняшний разговор
Ни к чему не ведет и не важен.
Говорю тебе не в укор —
Время нас вопросами вяжет.

О. В л а д и м и р. Мы одной тревогой живем,
И какие споры меж нами?
Перевернут наш дом вверх дном,
И родные стали врагами.
Не до споров и не до снов —
К Петрограду движутся рати
Не для диспутов, не для слов,
Не объятий-рукопожатий.

Н и к о л а й. Да Юденича разобьют
Наши люди под Петроградом,
И в повестку дня встанет труд,
Как достоинство, как награда.

О. В л а д и м и р. Доживем ли?

Н и к о л а й. Переживем!
Знают же разумные люди,
Что достаток дается трудом,
Ну а с ним и радость пребудет!

О. В л а д и м и р. Свет лампадок у образов
Очень разно для каждого светит,
И у каждого свой резон,
В цели разные каждый метит.
Разноликий народ у нас. —
Всяк готов любого послушать,
Но не видит и зоркий глаз,
Что кому западает в душу?

Н и к о л а й. Ты в безверье винишь меня,
А безверие сам и сеешь.
В наших душах полно огня —
Им весь мир осветишь и согреешь!
Мы заменим прогнивший строй,
И изменятся взгляды и вера!

О. В л а д и м и р. Не меняется род людской
Со времен слепого Гомера.
Проливается кровь пять лет,
По колено мы в ней погрязли.

Н и к о л а й. Но обратной дороги нет,
Наши помыслы не напрасны:
Старый мир отошел, увы...
Нам придется иной построить,
В созидание впрячь умы
И усилия наши утроить.
Сомневающихся вести
Нам придется громадой всею.
Что должно в умах прорасти,
Если мир и согласие сеять?!
Как-никак, свобода пришла —
В этом главные наши резоны!

О. В л а д и м и р. А свобода тогда хороша,
Если сдерживаема законом...
Но законов-то нет, Николай,:
И живем мы: на переломе...
Чуть не в каждом доме раздрай,
И вражда почти в каждом доме!

Н и к о л а й. Новизна дается с трудом,
Всюду видим сопротивление...
Как когда-то пришли бедой
К нам раскол до самосожженья.
Новый мир лишь берет разбег,
Но он будет других крепче!

О. В л а д и м и р. Время... время из века в век

Рушит дело рук человеческих.
Веришь в новые времена,
Власть отдав другим поколениям?
А меж ними и нами – стена,

Ведь у них свои предпочтения.
И как долго большевики
На Руси намерены княжить?
Их посулы весьма велики:
Рай земной обещают даже!
А что знают они про рай?
Где проторят к нему дорогу?
Как попасть в обещанный край,
Если сами отвергли Бога?
Главный грех наш – не можем дать
Христианам душевного мира.
Для заблудших многих беда —
Идеалы их и кумиры.

Н и к о л а й. С нами Ленин!

О. В л а д и м и р. И он человек,
Полный собственных заблуждений,
И страну, и народ вовлек
Он в ужасные потрясения.

Н и к о л а й. Мир с Берлином им заключен?
Нет стране угрозы германской.

О. В л а д и м и р. Но зато народ погружен
В мясорубку войны гражданской!

Н и к о л а й. Недовольство копилось века!
В храмах богу долго молились —
Ныне судьбы в народных руках!
Вот причины того, что случилось.
И мечты крестьян о земле
Наяву теперь воплотились!
Так о чем еще можно жалеть?
И какая нужна еще милость?

О. В л а д и м и р. Можно лозунгами увлечь —
Исполнение призывов спорно.
В никуда зовет ваша речь,
Если нет и тропинки торной.
И пока только кровь течет,
И поток ее не скудеет...
Апокалипсис в мир грядет!
Над умами злоба довлеет.

Николай, это не перелом!
Я сказал бы более строго:
Коль вражда вошла в каждый дом,
Для страны это катастрофа!
Вижу многое без прикрас —
Пересказ ни к чему подробный:
У меня каждый день и час
Пополняется список скорбный...
И все более за упокой
В храме служатся литургии,
Будто реквием над страной —
Позабыты песни другие.
На душе у меня печаль,
Я не знаю, по ком лить слезы...
Православный мир одичал:
Нет смирения, лишь угрозы.
Не хочу я других судить —
Но мой долг – во вселенском угаре
Храм, доверенный мне, сохранить
От раскола и от пожара.
Все молитвы мои об одном,
Чтоб вернулась к нам божья милость
И скорее бы в каждый дом
Жизнь нормальная возвратилась.
Думал даже в схиму уйти,
Чтоб не зреть безумных деяний...
Да куда там... где скит найти
Для спокойствия.. без терзаний?

Н и к о л а й. Мне бы тоже в руки сажень
И по-прежнему землемерить...

О. В л а д и м и р. Ты наводишь тень на плетень
Не тебе, Николай, лицемерить.
Позабудь, что ты землемер.
Для народа ты – председатель.
Людям нужен ты как пример,
А не как утопист-мечтатель.

Н и к о л а й. Уходить пока не спешу:
Для ухода нет оправданий.
В меру сил своих послужу
Прихожанам твоим и селянам.
Не могу стоять в стороне,
Когда мир страстями терзаем.
Ведь разлад, идущий в стране,
Он не только мной осязаем.
И стремлением уцелеть,
И остаться всему непричастным

Объяснения будут впредь
Неоправданны и напрасны.

О. В л а д и м и р. Трудно что-то решать за других.
Нам заботы домашние ближе...
Ведь не знаешь, какие грехи
Нам судьба на совесть нанижет.

Н и к о л а й. Да, гораздо легче мечтать
И воздушные строить замки...
Но насколько трудней воплощать
Эти планы в предписанных рамках.
Обвиненья во всех грехах
Мне навесят, как ни трудиться.
В отведенных судьбою годах
Суждено ли от них отмыться?

О. В л а д и м и р. Я одно скажу: тяжкий труд
Ты на плечи взвалил, раб божий...
А ведь рядом с тобой идут
Те, кто в трудный час не поможет.
Что в душе у каждого есть,
Не узнаешь и сотой доли...

Н и к о л а й. Чтоб увериться, надо съесть
Почти с каждым по пуду соли.

О. В л а д и м и р. Человечья душа грешна,
Потому и живет в потемках,
Оставляя своим потомкам
То, что видно при свете дня..
Я б из церкви давно сбежал,
Как от смутного наважденья,
Но однажды я прочитал
Интересное поученье:
«Если вере две тысячи лет,
С нею следует быть серьезным
И нельзя не брать ее в счет,
Почитая ложной и косной».
Это видный мудрец сказал —
И из ваших же корифеев.
Я ведь много когда-то читал.
Жаль, что память с годами слабеет.
Были прежде и к жизни счета,
И мыслишки были о многом.
Убедился, что все – суета,
Осознав, возвратился к Богу.

Н и к о л а й. Я сомнений твоих лишен

И уверен: в согласие – сила!

О. В л а д и м и р. Что уверен – уже хорошо.
Вместе справимся, что б ни грозило.

Входит Мурашов.

М у р а ш о в. Наконец-то вас разыскал!

Н и к о л а й. С доброй вестью или...

М у р а ш о в. Едва ли...
Беляки захватили вокзал...

О. В л а д и м и р. Как же так вы их проморгали?

Н и к о л а й. Кто и что у нас проморгал,
Разбираться сейчас не станем.
Мы же с вами не трибунал!
Пусть грызутся во вражьем стане.
Что же ты примчался сюда?

М у р а ш о в. Беляки вас усиленно ищут
Говорю же: пришла беда!

Н и к о л а й. Ну, всю Вырицу не обрыщут...

М у р а ш о в. Я свою вину признаю...
Речь сейчас о вашем спасенье!

Н и к о л а й. Сбереги лучше жизнь свою
И сюда вернись с подкреплением.
Ты, как вижу, уже в седле —
Поспешитотчас к Петрограду:
Может быть, и в Царском Селе
В помощь нам получишь отряды.
А мы здесь тебя подождем.
Возвращайся быстрее, не медли,
Пока недруги в каждый дом
Не пришли с облавой и петлей.

М у р а ш о в. Но для вас есть оседланный конь,
И с отъездом тянуть нельзя вам!

Н и к о л а й. Твой отъезд, Михаил, – не урон,
У меня ж нет такого права.
Я народом избран во власть
И остаться здесь просто должен.

М у р а ш о в. Но вы можете в плен попасть —
Разговор с врагом невозможен!
Только время и добрый конь —
Для спасенья вашего средство
И возможность уйти от погонь...

Н и к о л а й. Предлагаешь постыдное бегство?

М у р а ш о в. С ними мирно спор не решить,
Все решается лишь войною.
Надо вам поехать со мною,
Чтобы помощь заполучить...

О. В л а д и м и р. А отряд-то вражий велик?
Ведь деревня наша большая —
Сил не хватит, поди, у них,
И задача, видать, другая.
Ночку разве что отдохнут,
Переспят да коней подкормят,
А к утру уж они уйдут...
И дай бог, чтоб ушли без крови.
Хрупкой стала сегодня жизнь,
А вот смерть становится ближе.
Потому, Николай, берегись.
Я другого пути не вижу.

Н и к о л а й. Полагал, укрепишь мой дух,
Но и ты нагнетаешь страхи...

О. В л а д и м и р. А не подвиг – быть на виду...
Есть уловки в войне и в драке.
Обхитрить врага – не вина.
И разъезд не к нам этот послан.
Петроград для них – цель одна.
Торопиться им надо в Тосно...
Там верней поставить заслон
Тем надежнее, чем быстрее.
Там с подмогою эшелон
В Петроград проскочить не успеет.

М у р а ш о в. Вижу, отче в ратных делах
Больше нашего понимает...

О. В л а д и м и р. Да когда командир в бегах,
Тут любой поучать сумеет.
Вот и ты – великий стратег —
Убеждал, что тревог не надо,
И Юденича весь набег
Ограничится Петроградом...

Но вокзал уже не вернуть?
Чем аукнется эта утрата?
Наш железнодорожный путь
Целит в сердце Петрова града.

М у р а ш о в. Не дразните, отче, гусей!
Не топчите больных мозолей!

О. В л а д и м и р. Щука в море для карасей...

М у р а ш о в. И не сыпьте на раны соли...

О. В л а д и м и р. Вот что значит не думать впрок,
За любое дело хвататься...
Хлестаковщина – наш порок.

М у р а ш о в. Вам бы плакать, а не смеяться.

О. В л а д и м и р. Воздается всем по делам
В райских куцах и в адских муках
А удел наш судить не нам
И не детям нашим, а внукам.

Мурашов уходит.

М а р и я, Все сказали? Прошу к столу.
Правда, трапеза не скоромна...

О. В л а д и м и р. Я к себе на обед спешу —
Слава богу, пока не бездомный... (Николаю).
Я тебя убедить не смог,
Но ты должен скрыться немедленно!
Не уверен, поможет ли Бог,
Нашим воплям нынешним внемля.

Отец Владимир уходит.

М а р и я. Слышишь, батюшка говорит,
Что с пришедшими шутки плохи...
Встреча с ними смертью грозит,
Ни к чему мне посмертные вздохи.
Из себя героя не строй —
Уходи, не будь щепетильным.
Ты девчонкам нужен живой,
Да и мне не плитою могильной.

З а т е м н е н и е.

КАРТИНА II

На шоссе у своего дома Анна встречает подъехавших Лобова и Травкина хлебом-солью и вводит их в дом, где накрыт стол.

А н н а. Рада видеть в доме своем
Настоящих витязей славных,
Вам дано разрушить содом
И твердыню смутьянов главных,
Возвратить России престол,
Возвести царя и царицу.
А пока приглашаю за стол —
Перед подвигом подкрепиться.

Л о б о в. Подкрепиться нам в самый раз
Своевременно и пристойно.
Рассчитаться только сейчас
Мы не сможем с вами достойно.

А н н а. Позже будем счета сводить.
А тем более перед боем —
Бабье дело благословить
Вас на ратное дело святое.

Т р а в к и н. Рано петь похвалы пока:
Мы еще не достигли цели...
Разве что к застолью успели.
Остальное – в божьих руках.

А н н а. Но ведь вы побросали жен
Вы детей оставили где-то.
И со смертью поход сопряжен —
Не задумывались об этом?

Т р а в к и н. Просто поняли: гибнет страна
От посеянного раздора.
Ну а смерть не так уж важна,
Лишь бы в жизни не знать позора.

Л о б о в. Ты, оказывается, смела:
Озабочена нашей встречей...

А н н а. Я же вас не одна ждала,
Власти временной не переча.
Мы бояться устали давно,
Как смиренные христиане,
Но смиренным не все равно,
Что с Россией в будущем станет.

И надолго ли ваш приход?
Поминай вас завтра, как звали,
А меня Советы – в расход
Лишь за то, что вас привечала.
Перелетным вам что до нас?
Рестораны вас ждут на Невском...
Ждут чины и награды вас,
А кто нас примирит с Соболевским?

Л о б о в. Врешь! Не в гости пришли мы к вам!
Власть законную принесли мы!
И навек устраним бедлам,
Что в страну внесли псевдонимы.

Т р а в к и н. Соболевский? Зовут – Николай?

А н н а. А тебе он враг иль товарищ?
Так на будущее смекай:
Наша власть. С ним кашу не сваришь.

Л о б о в. Уж не тот ли соперник твой?

Т р а в к и н. Сам не знаю, но... может статься.

Л о б о в. Пусть ответствует головой,
Коль тебе довелось терзаться.

Т р а в к и н. Мы явились не для расправ,
Цель у нас и приказ конкретны...

Л о б о в. В споре вашем давнем кто прав?

Т р а в к и н. Разговор этот беспредметный,
И вести его стоит ли нам?

А н н а. Хоть гостей оставлять негоже —
Отлучусь по делам, а там
Будет время – знакомство продолжим.

Анна уходит.

Л о б о в. Будет время... Да в том и жуть,
Что его-то как раз не будет...
Нам бы пару часов вздремнуть, —
Ведь хозяйка нас не осудит?
Заодно и ее пригласить
Разделить холостяцкое ложе.

Т р а в к и н. Кто о чем, а ты все о том же.

Л о б о в. Ну а как отблагодарить?
Что же движет ею? Корысть?
Иль радушие обуяло?

Т р а в к и н. Дама явно не альтруист —
На радушье надежды мало:
Не хотят ли нас задержать,
Чтобы мы опоздали в Тосно?

Л о б о в. Но зачем же нам голодать?
Месяц сей не великопостный.
Стол заранее был накрыт...

Т р а в к и н. Неужели мы так желанны?
Я боюсь, что застольный вид —
Часть каких-то коварных планов...

Л о б о в. Брось! Хозяюшка хороша
И доверья вполне достойна.
О таких и скорбит душа
В наших распрях, походах и войнах.
Глядя на ночь пускаться в путь
Я особой нужды не вижу
Лошадям надо дать отдохнуть,
Да и людям отдых не лишний.
... Там введен комендантский час...

Т р а в к и н. Ты о чем?

Л о б о в. Да я о столице...
Там история нынче вершится,
Но, увы, вершится без нас.
Хорошо бы в Питере быть,
С комиссарами бы стакнуться...

Т р а в к и н. Наше дело – железку закрыть.
В Петрограде без нас разберутся
На расправу не тороплюсь:
Не хочу искать виноватых...
Душу мне заполняет грусть,
Будто мы на пороге расплаты.
Пусть без нас свершается суд
Справедливости в нем не будет:
Злобу, что на штыках несут,
Кровь невинных вряд ли остудит.
Бесполезно наше вторжение,
И, боюсь, бесполезен меч...

Л о б о в. Силой гасится сопротивление!

Т р а в к и н. А пора бы идеей привлечь.
Но у нас ничего за душой —
Озлобленье да озверенье
За восстание, за разбой,
За разграбленные именья.
Мир мечтой растревожен наш,
Но в иллюзиях проку мало.
Призрак бродит... но то — мираж,
Что в пустынях смущает усталых.
Где свои, кто враги — не понять...
Большинству не понять, если честно,
Чьим словам и посулам внимать
И в какую ведут они бездну?

Л о б о в. Любопытная очень мысль...

Т р а в к и н. Но народ-то идет за теми,
Что сулят ему лучшую жизнь,
Сказкам веруя без сомнений.
Мир всеобщего блага и счастья
На земле невозможно создать.
И приходится новой власти
Обещать, обещать, обещать...
Братство, равенство посулить,
Поманить туманной свободой...
Как утопии разъяснить
Полуграмотному народу?
Что коммуны не могут жить,
Есть реальнейшие примеры:
Напрягались умы и гужи,
Где-то строились фаланстеры.
Сквозь прорубленное окно,
За примером идем к Европе.
Но Европа живет без утопий,
Манифесты забыв давно.
Мировой революции нет,
Не осталось даже надежды
На ближайшие сотни лет,
И народы живут, как прежде.

Л о б о в. О народе не нам говорить.
Целый век нам о нем твердили —
Вожжи стоило отпустить —
Революцию получили.

Т р а в к и н. Плохо знали мы свой народ,
И теперь разводим руками.

Гнев людей рождался не год,
Он копился в душах веками.
Был у наших умников шанс
И во власть войти, и в историю —
Испугались и дел, и масс,
И исчезли, не став героями.
Поразила робость умы,
Должной смелости не сказалось.

Л о б о в. Слуги дьявола вышли из тьмы —
Нам плоды пожинать досталось.
И пришедшие к власти вожди
На себя примеряют тогу...

Т р а в к и н. И добра от того не жди:
Лишь в тупик ведет их дорога...
А разлом назревал давно,
Но мы жили, не зная сроков.
Нам в отечестве не дано
Слышать голос наших пророков.
Под собою все погребая,
Власть обрушилась, словно сель,
И пришедшие к власти считают,
Что важнее морали – цель.

Л о б о в. И таким-то дано вершить
Судьбы родины с пьедесталов!

Т р а в к и н. Пугачевых в России хватало,
Да и Разиных не забыть.
Пожинаем теперь урожай,
Что посеяли поколенья...

Л о б о в. Потому и не возражай:
Нет у нас пути к примиренью.

Т р а в к и н. Мы не ищем сближенья сторон,
Потому мира нет в помине:
Кто-то манит за горизонт,
Кто-то в прошлом веке поныне
Сообща творим беспредел,
Божьи заповеди рвем мы в клочья.
Позабыли наш общий удел —
За грехи отвечать в одиночку.

Л о б о в. Из орудий бы в них пальнуть —
И людишки поразбегутся!

Т р а в к и н. Пятый год уже не вернуть —

У народа есть Конституция...
О людишках забудь теперь:
Равноправными люди стали.
Обращаться с ними, поверь,
Как с согражданами пристало.
На пиру честном иль в бою
Они все равны и свободны...

Л о б о в. Посмотреть бы, как запоют
Эти граждане перед сотней!

Т р а в к и н. Ну, заранее их принижать —
Неоправданное бахвальство:
Им-то есть уже что защищать,
И за ними – власть, государство.
А за нами, увы, ничего...
Только прошлое ныне за нами.
Но ведь в прошлое никого
Не заманишь и пирогами.

Л о б о в. Самогоночка хороша!
Видно, опыт практикой добыт...
Коль придется еще проезжать,
Позаимствую ее опыт...
Я-то думал, что ты – кремень.
Хорошо еще, пьешь нечасто.
Трезвый воин себе на уме,
А вот пьянь весьма языкаста...
Наше войско проверить пора:
Все ли сыты, устроились сносно?
Как ни кинь, но мы до утра,
Кровь из носа, должны быть в Тосно.

Лобов уходит. Входит Анна.

А н н а. Не боишься такой молодой
Невзначай нарваться на пулю?

Т р а в к и н. Сама видишь – живем войной,
А на то мы и присягнули.
Есть сермяга в твоих речах,
У войны дурные гримасы:
И погоны на наших плечах —
Ярлыки на пушечном мясе.

А н н а. Ждет жена?

Т р а в к и н. У меня нет жены...
Есть любовь со времен кадетства,

И из вашей же стороны.
Впрочем, то – картинка из детства.

А н н а. Как же ты ее упустил?

Т р а в к и н. Так она полюбила друга...
Я и друга давно простил...

А н н а. Что увел у тебя подругу?

Т р а в к и н. Но дуэль не вернет любовь,
Коль другой снискал предпочтенье.
Оставалось сквозь скрежет зубов
Мне признать свое поражение.

А н н а. Добровольно ее упустил?

Т р а в к и н. Был взаимности недостойный
Или плохо ее любил...
Потому и ввязался в войны

А н н а. Ну и что же? Потерян след?
Не искал ее неужели?

Т р а в к и н. А зачем? Через столько лет
Нет ни прежней страсти, ни цели.
Счастья я лишь желаю ей...
Пусть минуют ее напасти
И идущих, и будущих дней.

А н н а. Странно нам говорить о счастье.
Кто ж счастливый соперник твой?

Т р а в к и н. Что тревожить нам день вчерашний...

А н н а. Видно, он паренек лихой.

Т р а в к и н. По училищу – мой однокашник.

Возвращается Лобов, садится за стол.

Л о б о в. Все в порядке. Накормлены все.
И к походу снова готовы.
Ожидают нашего слова,
Чтоб опять оседлать шоссе.
Ну, давай опрокинем еще
За хозяйшку-мастерицу.
Пусть всегда в этом доме течет
Самогон, как в ручье водица.

А н н а. Не останетесь до утра?

Т р а в к и н. Благодарствуем и... уходим.
Сроки все истекли... Пора!

А н н а. Вы же не торопились вроде...
Понимаю... Конечно, мой дом
Для отряда вашего тесный.
Но, я думаю, в доме том
К вашим людям будут любезны.

Указывает на дом Соболевских.

Л о б о в. Кто в том доме?

А н н а. Да мой сосед —
Председатель Совета здешний...

Л о б о в. И враждуете сколько лет?
Провинился чем-то раб грешный?

Т р а в к и н. Чем же он тебе досадил,
Что твердишь о нем неустанно?

А н н а. Мужа в армию он снарядил
Защищать большевистские станы.

Л о б о в. Твой сосед, выходит, – твой враг?
Гнев опасен, коварен соседский.
Ну а имя соседа как?

А н н а. Говорила же: Соболевский.

Л о б о в. Что ж... пока сосед не в чинах,
Повидаться с ним не мешает.

А н н а. Если он того пожелает,
Потому как нынче в бегах.

Л о б о в. Видно, держатся за посты,
Лишь пока они безопасны.
А пришли мы – и след простыл,
И деревня, значит, безвластна?
Уж не мне ли доверена власть?
И без выборов, голосованья?
Жаль, вступить не могу сейчас
В исполнение без предписанья..

Травкин встает, смотрит в окно...

Т р а в к и н. Коль лампада горит за окном,
И того бы было довольно...
Значит, миром дышит сей дом,
Возле дома дышится вольно.
И ночной не тревожит сон
Стук назойливый в дверь жилища,
И вблизи не слоняется нищий
За куском или пятаком.

Л о б о в. Ты куда собрался?

Т р а в к и н. Пройдусь.
Надоело мне говоренье.
Через полчаса я вернусь,
И отправимся на выполненье. (Уходит)

Л о б о в. Захандрил что-то командир...
Чем расстроился перед уходом?

А н н а. Видно, есть еще сердце в груди,
Если память живет в нем годы.
Или чувства вспыхнули вновь
От соседской иконной лампадки?
В молодых же не дремлет кровь.

Л о б о в. Он пошел к какой-то солдатке?

А н н а. Да солдатка, скорее, я.
Моего ж упекли в солдаты.
Жизнь проходит мимо меня —
Коль законы супружества святы.

Л о б о в. А зачем нам желаний груз
Оставлять на бессонные ночи?
Сверим прочность семейных уз,
Офицерскую честь не пороча...

А н н а. На свидании с дамою он
Постарается быть тактичным,
Потому у тебя есть резон
К Соболевским нагрянуть лично.

Л о б о в. Да у них стародавний счет,
И не нам в их расчетах рыться.

А н н а. У него один недочет:
Он, как я понимаю, рыцарь.

Л о б о в. Эти рыцари пусть живут
В сказках детских, в романах дамских,
А нам выпал тяжелый труд:
Суд вершить и карать по-солдатски.

З а т е м н е н и е.

КАРТИНА Ш

Комната в доме Соболевских освещена лампадой. Мария кормит грудью ребенка. Входит Соболевский.

Н и к о л а й. Свет, Мария, не зажигай —
Пусть горит лишь одна лампада.
И меня ты не обнимай:
Мне одежду сменить бы надо...
Я под баней сидел – промок.
Как назло, в ней сегодня мылись.
Вымок весь, а потом продрог:
На меня вся вода катилась.

Мария достает белье и одежду, Николай переодевается в соседней комнате.

М а р и я. Кто-то видел сейчас твой приход?

Н и к о л а й. А с чего твои опасенья?
На дворе только дождь идет...

М а р и я. Ты уйти должен без промедленья!
Ведь соседка, считай, весь день
Донимала меня вопросом:
Где хозяин, Мария, где?
Почему он не кажет носа?

Н и к о л а й. Что за дело ей?

М а р и я. Любит нас...
Но боится в этом признаться:
С наших окон не сводит глаз.

Н и к о л а й. И другим не может заняться?
И откуда в ней столько зла?

М а р и я. Поквитаться выдался случай...
Очень кстати пришла гроза —
Для расплаты не выдумать лучшей.

Н и к о л а й. Приходили меня искать?

М а р и я. Это был грабеж, а не обыск!
Нам на паперти, видно, стоять
Позабыв и совесть, и робость.
И коня казаки увели,
И корову солдаты забрали...
Так что мы теперь на мели,

И удастся выжить едва ли...

Н и к о л а й. А сейчас в доме лишних нет?

М а р и я. Нет, конечно же... слава Богу.
Ты бы сел, поел... – не обед,
Но хотя б подкрепишь немного.

Мария ставит на стол снесь. Николай отдает ей бумаги, садится к столу, ест.

Н и к о л а й. Документы я прихватил
Кабинетные, из поссовета.
Спрячь подальше. Придет Михаил —
Передашь ему пачку эту...

М а р и я. Да, с подмогою к нам не спешат...
Сутки уж как ушли ребята.

Н и к о л а й. Там забота одна: Петроград
Уберечь бы от супостата
Крепко нас подвел Михаил:
К нам прислали ребят из ЧОНа —
Их никто не предупредил,
Вот и помощь была обреченной.

*Стук в дверь. Николай уходит из кухни. На столе остается посуда с недоеденной пищей.
Мария впускает Травкина.*

М а р и я. Это сколько же лет и зим
Наши дни не соприкасались!

Т р а в к и н. Но очаг твой Богом храним.
Здравствуй, Маша. Давно не встречались.

М а р и я. Слава Богу...

Т р а в к и н. Не я обогрел
Твою жизнь в минувшие годы,
Но вошел и воочью узрел,
Что минуют тебя невзгоды.

М а р и я. Ты с добром пришел или злом?

Т р а в к и н. Не поверишь – пришел с любовью.
Чтобы стены в доме твоём
Не обрызганы были кровью.
Здесь осели вы как давно?

М а р и я. Да лет пять назад перебрались...

Т р а в к и н. До войны?

М а р и я. Перед самой войной.
Все освоиться здесь пытаюсь.
Видишь – третья уже со мной.

Т р а в к и н. Позавидовать можно...

М а р и я. Не надо!
Мне соседки довольно одной
С ее завистью и досадой.

Т р а в к и н. Не досада в ней, а вражда:
Предложила не зря, я уверен,
Поселить часть отряда сюда.

М а р и я. И ты сделать это намерен?
Вашим людям какой интерес
Ночевать в разграбленном доме?
Я не знаю, что будем есть...
Разве только с крыши солому...

Т р а в к и н. Не хотел я детей стеснять
Нашим буйным хмельным постоем...
Николаю хотел сказать:
Чтобы был осторожней втрое.

М а р и я. Воскресить надумал дуэль?

Т р а в к и н. Ну зачем преувеличенье?

М а р и я. Но у вас же разная цель!

Т р а в к и н. В разговоре нашли бы сближенье.
Примирает нас имя твое
В наше переломное время.
Да, мы розно по жизни идем
И несем мы разное бремя.

М а р и я. Разбежались ваши пути
И теперь уже не сойдутся.

Т р а в к и н. Нам развилку бы ту найти
И в былое свое вернуться...
Ведь сыны единой страны,
А ножи точим друг на друга.
Жить в согласии бы должны
Несмотря на страсти, недуги.

И друг другу бы помогать
Среди приходящих бедствий —
Мы ж готовы лишь убивать
Или хорониться в бездействии.
Взбунтовали простой народ
Невоздержанной нашей речью,
Как разливами вешних вод
Все мосты меж людьми калеча.

М а р и я. Я не знаю, что возразить,
Как прикрыть свою глупость бабью,
Но хотелось бы расспросить,
Где господская дурость, где рабья?
Ведь послушаешь – всякий прав,
Но у каждого – сплошь обиды,
И у каждого – свой устав,
И свои на грядущее виды.
А война идет из-за слов...
За отцов хотят рассчитаться?
И неправедность прошлых веков
Вашей кровью должна отмываться?

Т р а в к и н. Сделать гражданами рабов
Невозможно одним декретом:
Старый мир в одну ночь не готов
Измениться с приходом рассвета.
Невозможно с народом таким
Что-то дельное строить над бездной:
Планы все исчезнут, как дым,
Но пороки-то не исчезнут.
Единичный пожар потушить
Мужикам, собравшись, несложно.
Но как в душах соблазны душить
И стремления к цели ложной?

М а р и я. У людей открылись глаза,
Что рыдали над вечным покоем...

Т р а в к и н. Над страной идет гроза!
Как и чем ее успокоим?

М а р и я. Никогда не могла понять
Ваших я с Николаем споров.
А теперь я, как видишь, мать —
Мне уже не до разговоров.

Т р а в к и н. Оживленный встречей с тобой,
Говорю слишком долго и много...
Что предписано мне судьбой?

Впереди какая дорога?

М а р и я. И зачем говоришь это мне?

Излиянья твои напрасны:

Мои думы не о стране —

Я в заботах своих всечасных.

Да и ты потерял свою статью...

Вся романтика испарилась?

И тебе пора бы признать;

Власть монаршая износилась.

Вот и выплеснула страна

Стон униженных и оскорбленных,

Их у нас хватает сполна —

И обиженных и угнетенных.

Т р а в к и н. Разберутся годы спустя,

Где и что в державе прогнило.

Но Ульянова как вождя

Вся культура наша взрастила.

То Европа для нас – не указ,

Хотя воздухом дышим тем же,

То особенный путь у нас,

То народ – богоносец, не меньше.

А в романы наши взглянуть —

В каждом критика, недовольство,

Хоть одна человечья суть

И в характерах общие свойства.

Не застал Николая, а жаль:

В прошлом был он спорщиком ярим,

Но и в мыслях не допускал,

Что страну охватит пожаром...

М а р и я. Сожаленья твои не о том:

При пожаре одно опорой —

Лишь бы дом не сгорел, а в нем,

Кто душе твоей близок и дорог.

Т р а в к и н. Николай – он избранник твой

И любовью твоей хранимый,

Но сейчас за моей спиной

Есть немало непримиримых.

Если скрылся он – хорошо,

Если дома – пускай исчезнет.

Ну а мой визит завершен,

Хотя ночью он неуместный

Сама знаешь: чужую беду

Не всегда разведешь руками.

Я своих сейчас уведу,

Чтоб не рвать отношений меж нами.

Очень рад, что увидел тебя,
Что живешь в любви и согласье...
Береги же детей и себя
В наши дни от лихих напастей.

Травкин целует Марию и уходит. Николай выходит из комнаты.

Н и к о л а й. Пронесло?

М а р и я. Утомил он меня...
Иль доселе полон любовью?
Он пришел предвестником крови
Или дьявольского огня?

Н и к о л а й. Как объятья его?

М а р и я. Не взыскай...
Годы нам подарили остуду.
Размышляю: его поцелуй
Не был ли поцелуем Иуды?

Н и к о л а й. И на дружбу бьет до сих пор,
Не встречаясь года со мною.
И меня вызывал на спор. —
Догадался, что я за стеною...
Не ко времени он возник...
Я словам его мало верю.
Он и раньше был разнолик,
Его искренность чем измерить?

М а р и я. С ним не знаешь, как говорить.
Он сомненьями перегружен.

Н и к о л а й. Я бы мог ему возразить,
Но ты высказалась не хуже...

М а р и я. Он совет тебе дельный дал:
Ты немедленно должен скрыться.

Н и к о л а й. Подскажи, податься куда?

М а р и я. Снова в баню, и там помыться!

З а т е м н е н и е.

КАРТИНА IV

Возле дома Соболевских. – Лобов и Анна.

А н н а. Что-то он заболтался там...

Л о б о в. Так на то оно и свиданье...
Пусть потом кумекает сам,
Как наверстывать опозданье.

А н н а. Мне твоя непонятна робость...
Только с бабою ты хоть куда...
Может, нам заглянуть туда
И помочь провести там обыск?
Мне хотелось бы лишь взглянуть,
Как его арестуют средь ночи...

Л о б о в. У тебя болезненный зуд —
Мужиков пред людьми порочить.
Он тебя недооценил?
Стал причиной твоих мучений?
Иль мужскую честь уронил,
Ну а ты воспылала мщеньем?
Оттолкнул тебя? В том вина?
Но и в этом греха не вижу:
У него оправданьем – жена,
Что ему и дороже, и ближе...

Из дома выходит Травкин.

Т р а в к и н. К переходу готовы все?

Л о б о в. Затянулось твое свиданье...

Т р а в к и н. Да? Простите – воспоминанья...
Наш отряд уже на шоссе?
Председателя в доме нет,
А искать его ночью мудрено.
Цель теперь – упредить рассвет,
В Тосно выстроить оборону.
Тогда будут у нас ключи
Из Москвы в осажденный Питер,
Чтоб какой-нибудь бешеный литер
К Петрограду не проскочил.

Офицеры собираются уходить.

Л о б о в.. (Анне) Благодарствуем за хлеб-соль

И прощаемся: служба есть служба.

А н н а. Попроцаться успеем, Изволь
Мою просьбу исполнить по дружбе
Что-то плохо верится мне,
Что хозяина нету дома
Я его узрела во тьме,
Хоть и прятался за углом он...

Т р а в к и н. Не до поисков теперь мне —
Продолжаем наш марш на Тосно.
Не хочу увязнуть в дерьме
Ссор соседских...

Л о б о в. Ишь ты как грозно...

А н н а. (Лобову). Сколько можно беседы вести?
Где твое офицерское слово?

Л о б о в. Может, все-таки потрясти?
Обыск, в принципе, пустяковый...

Т р а в к и н. Знаю я твое «потрясти»...

Л о б о в. Не пойму твоего упорства...

Т р а в к и н. Начинаешь обыск вести,
А кончаешь-то... мародерством!
Не сторонник я крайних мер
И тем более – не каратель.
Не палач я, а офицер...

Л о б о в. В доме все-таки председатель?

Т р а в к и н. Нам для боя даны стволы.
А за нами идут отряды —
Пусть они зачищают тылы
Пусть они наводят порядок.

Л о б о в. Самому мне охота знать,
Что врагов в тылу не оставил,
Да и местным пора доказать.
Что на вольницу есть управа.
Пусть не в Питере, так уж здесь
В чьей-то памяти можем остаться,
Чтобы в будущем похвалиться
И снискать этим чью-то лесть.

Т р а в к и н. Позабыл? От тюрьмы и сумы

На Руси нельзя сторониться...

Л о б о в. Но пока при оружии мы,
Нашей волею все вершится!
Все сомнения хороши
Лишь в жару словесных баталий.

Т р а в к и н. А поэтому поспешим,
Чтоб за лень нас не проклинали..

Л о б о в. Но Аня просит помочь...

Т р а в к и н. Разобраться в склоке приспело?
Сам подумай: наше ли дело?

Л о б о в. Обыск-то не на всю же ночь!

Т р а в к и н. Нам пора на железке быть,
А мы лезем в местные дрязги...
Ожидаем какой-то встряски
Или ждем ударов судьбы?

А н н а. Офицер хочет рыцарем быть
Перед кралей своей любезной.
Но напрасна такая прыть,
А уж в дни войны бесполезна.
Он же обыска не провел,
Ограничился светским вздором...

Л о б о в. Значит, я проведу его,
Но без книксенов, уговоров.
С нами можешь ты не идти,
Знаю – миссия некрасива.
Ну, бывает: не по пути...
Твой отказ сочту справедливым.

Лобов стучит в дверь дома. Выходит Соболевский.

Н и к о л а й. Ну зачем же громко стучать —
Только-только заснули дети.
А проснутся – их укачать
Не удастся и до рассвета.

Л о б о в. (Травкину). Ловко ты нас за нос водил.
Интересно, с какою целью?
Но теперь уж меня не суди,
Время тратить нельзя на безделье.
(Николаю). Соболевский – ты?

Н и к о л а й. Может быть...

Л о б о в. И живешь, как вижу, не прячась...

Н и к о л а й. Вором не доводилось слыть,
Вот и жить не хочу иначе.
Ты же появился как тать...
Что смущает и чем измучен?
Совесть не позволяет спать?
Иль на сердце какие тучи?

Л о б о в. Власть сменилась, и ты – никто!

Н и к о л а й. И с чего же твоя досада?

Л о б о в. Я командую здесь отрядом,
Значит, ты уже...

Н и к о л а й. Значит, что?

Из дома выходят Мария и Вера.

М а р и я. Скажешь бабушке... и бегом...
Что отца заарестовали.
На заступничество его,
Как на Бога теперь уповаем.

Вера с зажженным фонарем уходит. Мария взглядывается в темноту, видит собравшихся.

Л о б о в (Анне). Этот, что ли, твой главный враг?

А н н а. И в Совете он главный тоже.
Столковаться мы с ним никак
Полюбовно уже не можем.
Это он подбивал народ,
Чтоб себя в Совете оставить,
Он собрал деревенский сход,
А Совет мой муж мог возглавить!
Но он мужа – большевикам
Как солдата для власти новой...
Пусть послужит сам господам —
Вот мое приговорное слово.

Т р а в к и н. Подлость явлена без прикрас...
Что сословия, звания, классы?
(Анне) Твой супруг мог стоять сейчас
В ожидании смертного часа.
Призадумайся, каково

Быть в родившемся мире первым?
Тут за все отвечать головой,
Тут и силы нужны, и нервы.

Н и к о л а й. Не пойму я, пришли зачем?
Чтобы диспут вести среди ночи,
Когда совесть скрывает темь?
Говорите же покороче!

Т р а в к и н. Видишь, кто настоящий враг?
Зависть, глупость, злоба, коварство.
С ними не ужиться никак,
Им не писан закон, государство.
А возможно ли всех сравнивать
В разноликом и подлом мире?
Как желанья понять иль отнять?
Как всех выстроить по ранжиру?

Н и к о л а й. Идеалы нельзя принижать
До убогого разуменья —
Это только все извращать
До нелепости, до отвращенья.
Уравнять всех граждан в правах —
Мы об этом только радели...

Т р а в к и н. Уравнение на словах
Может статься, но не на деле.
Ты во власти, а вот она
К тебе ненавистью пылает.
Между вами стоит стена,
И она вас разъединяет.
Над тобою тоже чины,
И для них ты – мелкая пешка,
На которую свалят вины
И отнимут дела успешные.

М а р и я. Павел?! Ты же мне обещал!
Даже благословлял жилище...

Т р а в к и н. Я тебя лишь предупреждал:
Соболевского всюду ищут.
Но... как видишь, не скрыла ночь,
Не спасла от глаз человеческих...
И прости, что не смог помочь.

М а р и я. Ты ведешь о помощи речи?
Ты привел в наш дом палачей,
Несмотря на благословенье...

Т р а в к и н. Все случилось в силу вещей
И всеобщего озлобленья...

М а р и я. Объяснение – не ответ...
С Николаем решил посчитаться?
После дружбы далеких лет
Это выглядит святотатством.

Т р а в к и н. Нет! Не я их привел на порог.
С их приходом визит не связан.
Это просто какой-то рок...
Я теперь на всю жизнь наказан.

М а р и я. О развилке кто говорил?
Кто хотел на нее вернуться?
Но ты прошлое отрубил,
И мирам нашим не сомкнуться.

Л о б о в (рассмотрев Марию).
Пред такой красотой я – пас...
Павел, я тебя понимаю:
От таких не отводят глаз:
Красота и впрямь неземная!

А н н а. Как увидеть во тьме красоту
Удастся бабникам лешим?
Ну, увидел, но ведь не ту,
И не ею спасать мир грешный.

М а р и я. Говорила тебе, Николай:
Отойти от власти подальше!

Л о б о в. Мы желанье это, считай,
С удовольствием выполним даже...
Он, конечно, не так-то прост,
Если верховодил Советом,
И такого не сдашь в обоз,
Да у нас и обоза нету.

Т р а в к и н. Он – порядочный человек,
Не порочащий власть и знамя
Ни для личных дел, ни утех:
Честен он, говоря меж нами.

Л о б о в. Нам честнейших и надо бить!
А нечестные нам помогут
Все достойное извратить,
Опорочить цель, сбить с дороги.
Прекратится бунт сам собой,

Когда честных повыврем с корнем.
Принцип этот нехитрый мой
И другие, пожалуй, вспомнят.

Т р а в к и н. Но казнить ни за что людей
И творить без конца расправы...
Если ты, говоришь, не злодей,
Так зачем же дурная слава?

Л о б о в. Но и мимо пройти нельзя:
Видишь сам – хороша добыча!
Об отце детишки похнычут,
Но чего стоит их слеза?
Говорить про весомость слез
Не берусь я, не Достоевский.
Но у нас в руках Соболевский!
И к нему-то претензий воз.

Т р а в к и н. Соболевский – не наш масштаб,
И у нас иная задача,
Что пред нами поставил штаб —
За нее с нас и спросят, значит.
А ты ехал бы в свой уезд —
Воевал бы там с мужиками,
Но неправильно всех окрест
Попрекать чужими грехами.
Вся держава в движенье пришла
И не думает остановиться.

Л о б о в. Смута тем-то и хороша,
Что возможно в ней отличиться.

Т р а в к и н. Твои планы может пресечь
Анонимная пуля-дура.

Л о б о в. А не надо с пулями встреч
Есть на то молитвы и чуры.
Нам оценки дадут потом
Те, кто пережидают драку...

Т р а в к и н. Когда всех уже перебьем
И страну доведем до мрака?
В ближних видим своих врагов
Настоящим врагам на радость.
Наши распри – чужих рядов
Умножение и наша слабость

Л о б о в. Не словами уже, а мечом
Пресекать надо заблужденья!

Т р а в к и н. Убежденье твое горячо,
А в поступках – преступное рвенье.

Подходит отец Владимир.

О. В л а д и м и р. В чем хотите его обвинить?

Л о б о в. Да ведь он – из вражьего стана!

О. В л а д и м и р. Как возможно определить
Кто есть друг, кто враг безобманно?
Николай Николаевич – власть!
Он решает дела гуманно,
Не дает в анархию впасть,
И за то его чтут поселяне...
Вот и вам бы не воевать
И оценки оставить внукам:
Слабой власти несдобровать —
Упадет и сама без звука.
Правоту силой не доказать,
Уж какие не шли рати.
Только грех на себя брать,
А во имя чего – без понятия
Вы же сами сеете рознь!

Л о б о в. За безбожника отче вступился!
Это что ж такое стряслось?
Или разум в нем помутился?
Мы должны его покарать
Окружающим в назиданье...
И не надо меня просвещать —
У меня свое пониманье.

О. В л а д и м и р. Зло посеяв, зло и пожнешь,
Не минуешь стрел и проклятий
И от совести не уйдешь
Уж до самых смертных объятий.

Л о б о в. Я над смертью не господин
И симпатий к ней не имею.
Счет для смертных у ней один
Что для ангелов, что злодеев.

О. В л а д и м и р. Дело черное в черную ночь
Вы творите, не ведая смысла.

Л о б о в. Хватит воду в ступе толочь!
Нас к святым никто не причислит.

О. В л а д и м и р. Вы на души берете грех,
С ним и мыкаться вам придется...

Л о б о в. На себя возьму грех за всех
Я на божьем суде, коль сведется.
Если нам заводил не стрелять,
Они вновь мятежом ответят:
Не дано рабским душам знать,
Что добро и что – зло на свете.

О. В л а д и м и р. Благородство где, господа?
Ваша милость к пленным и падшим?

Л о б о в. Извини, отец, – нет стыда
Перед властью, власти поправшей.

О. В л а д и м и р. Да Россия же возопит
От жестокости и бессердечья!

Л о б о в. Не затем мой солдат не спит,
Чтобы слушать подобные речи.
Ему думать об этом не след,
Его долг – выполнять приказы.

О. В л а д и м и р. Отправлять людей на тот свет?
Ваш приказ страшнее проказы!

Т р а в к и н. Отличаемся на пустом:
Суд поспешный вершим ночами...
По своей отчизне идем
Мародерами и палачами.

О. В л а д и м и р. Смерть не сейте, и благодать
На года продлит ваши судьбы.

Л о б о в. А тебе бы, отче, вещать
И не в этой ночи, и не тут бы...

О. В л а д и м и р. Вы – заложники громких слов,
Но к единой беде причастны,
Вы зовете на брань и кровь, —
Я к любви призываю паству.

Н и к о л а й. Вы собрались зачем, не пойму.
Чтобы диспут вести среди ночи?
Поболтать языками охочи,
Но слова-то идут во тьму...
Кто сегодня прав, кто не прав,

Только будущее рассудит.
Но горящего в душах костра
Ваш приход уже не остудит.
Не вернуть Россию назад,
Нет в народе былого смиренья.
Не поможет и ваш «мандат»
На ведение дел расстрельных.
Ведь рабочий уже не тот,
И крестьянин – не ратай древний.
Посмотри на любой завод,
Поезжай в любую деревню:
За плечами – пять лет войны,
Чуть не в каждом доме винтовка,
В обращении с ней сноровка,
И земля, и свобода даны...
Бесполезно махать плетью,
Непокорных пугать Сибирью...
Вы, отвергнутые людьми,
Неспособны вернуться к миру.

Л о б о в. Не тебе ли знание дано,
Что кому на земле содеять?

Н и к о л а й. Всяко будущее темно,
Если нет в нем светлой идеи.
Жизнь дана, чтобы созидать
И свое, и чужое счастье,
Тогда будет за что воевать
И страдать в годину напастей
Хватит людям терпеть и молчать,
Выжидать годов мессианских,

О. В л а д и м и р. Церковь призвана укреплять
В человеке дух христианский

М а р и я. Душегубы! Где ваша честь,
Офицерское слово ваше?

Н и к о л а й. Говорить бесполезно здесь,
И не время... поверь мне, Маша.
Всяк из нас убежден в своем.
Спор мужской и масштаб вселенский.
Разговор, извини, не женский...
Ты озябнешь... Ступай же в дом.

Л о б о в. Чем же я Марии не люб?
Ей мои чины не по нраву?
Почему же я – душегуб?
Я лишь старший здесь... по уставу.

(Подходит к Марии.)
Вы готовы убить меня,
Защищая мужа так рьяно?
А ведь он не увидит дня
После этой ночи туманной...
Бесполезным станет кольцо —
И к чему оно в доле вдовьей?
Вы прекрасны статью, лицом, —
К вам еще набегут с любовью.
Разрешите конфисковать
Мне колечко... без возражений...

Т р а в к и н. Я могу ведь и в морду дать!
Прекрати сейчас же глумленье!

Л о б о в. Ах, какой благородный порыв
Не ко времени и не к месту!
Мне, поверишь, не до игры —
Ведь меня ожидает невеста...
Но усадьбу нашу сожгли.
С чем же мне идти к аналою?
Если нищие так смогли,
То и я готов на такое.

М а р и я. А не будет с невестой встреч!
Все вы сгинете без зачатья.
С этой ночи – можно засечь —
Вас преследовать будут проклятья!

Лобов силой срывает кольцо с руки Марии, Николай бьет Лобова по лицу.

Л о б о в. Вот не надо пустых угроз...
Нас не словом – огнем стращали.
И еще поживем, авось,
Что бы вороги ни обещали.
(казакам). Почему он здесь до сих пор?
Я тебе на реке устрою!

Н и к о л а й. Но не смоешь уже позор
Ни речной водой, ни морскойю.
Права нет у вас на арест!

Л о б о в. О правах не тебе судачить!
Это право дает нам крест —
Православный крест, и удача.
Кто дал право вашей ЧК
Расправляться с невинным человеком?
Так что лучше молчи, пока.
Наша пуля твой жар не остудит.

И готовься к другим речам —
На том свете-то пригодятся.
У меня голова на плечах,
С нею я и привык считаться.

Н и к о л а й. Коль своя голова на плечах,
Если дело твое справедливо,
Что ж ты шастаешь по ночам
Словно кот или пес шкодливый?
Ну, со мною решенный вопрос.
А как справитесь вы с народом?
Он до многого не дорос,
Но уже получил свободу!
Уходите-ка со двора...

Л о б о в. Мы – хозяйева, а не гости!

Н и к о л а й. Мародеры вы, и пора
Вам давно лежать на погосте...

Л о б о в. Ишь, вчерашние босяки
Говорят о правах сегодня...

Т р а в к и н. И за ними идут полки
Обездоленных и безродных...

Л о б о в (солдатам). Что стоите? О чем ваш спор?
Что стрельбой детишек разбудим?
В исполнение приговор
На реке приведем, на безлюдье.

А н н а. Вы уйдете, а нам здесь жить
И Советам опять подчиняться?

Л о б о в. Власть законную утвердить
Мы пришли. И не нам извиняться.
Громким эхом наша стрельба
Разнесется в заречных далях,
Что безбожная власть – в гробах,
И законная въявь восстала.
А ты сделала дело? Молчи...
С глаз моих исчезни хотя бы...

А н н а. Но зачем же кричать в ночи
Да еще на слабую бабу?!

Т р а в к и н (Анне). Ты, я вижу, довольства полна,
Что нас сделала палачами.
Этот грех не спишет война,

Не замолишь ни в келье, ни в храме

Л о б о в. Обвиняешь в чем-то меня?

Т р а в к и н. Нет... скорей, себя обвиняю...

Л о б о в. А тогда – в седло! На коня!
Чтобы избежать нагоняя
За задержку и за постой.

Т р а в к и н. Извини, я не вижу смысла
Поощрять и творить разбой...
Ухожу!

Л о б о в. А за дезертирство
Ты предстанешь перед судом!

Т р а в к и н. На суде этом быть нам вместе,
Потому что в тебе самом
Не осталось стыда и чести.

Л о б о в. Захотел утешить вдову?
Одобряю. Выбор достойный.
Коль останешься на плаву,
Ты свой век проживешь спокойно.
Время только выбрал не то.
Расстрелять тебя – пули жалко.
Для меня ты теперь никто,
Существуй... ни шатко, ни валко.
Отошедший от дел и людей,
Твой мирок и убог, и сужен.
Ты, конечно же, не злодей,
Но, увы, никому не нужен.

З а т е м н е н и е.

В отдалении слышны ружейные залпы.

КАРТИНА V

Через три дня. Похороны у железнодорожного вокзала. Соболевская и Сургучева в трауре. Муратов, О. Владимир, Котлова в толпе поселян.

М у р а т о в. Созывать никого не пришлось
Происшедшее всех задело —
Вон как много вас собралось...

О. В л а д и м и р. Хоронить людей или дело?

М у р а т о в. От собравшихся приношу
Вдовам я соболезнованье
И виновным в суде испрошу
Справедливое наказанье

М а р и я. Ни молитвы ваши, ни власть
Здесь лежащих не защитили,
Им пришлось неповинным пасть
За идеи, что в них взрастили.
(Муратову) Не тебе поучать людей,
Ты радел о своем спасенье
И скрывался ты днями где?

М у р а т о в. Я привел же к вам подкрепление!

М а р и я. Когда вороги наши ушли,
Ты изволил лишь появиться,
Будто подвиг какой совершил,
А на деле ты тоже убийца!

М у р а т о в. Смысла нет говорить с тобой.
Я вины с себя не снимаю,
Перед этой общей бедой
Только голову преклоняю.
(Анне) Что тебя сюда привело?

А н н а. Как и все, я скорблю сегодня...

М у р а т о в. Ты сама породила зло!
Ты для смерти явилась сводней.
По наводке твоей взят сосед!
Посмотреть пришла на могилы?

А н н а. Клевета это и навет!

М у р а т о в. Ты ж детишек осиротила!

А н н а. Скажешь тоже! Сосед же мой...
А без власти мы как без крыши...

М у р а т о в. Ты же переметнулась к другой!

А н н а. Потому как она была ближе.

М у р а т о в. В твоём доме офицерье
Разгулялось, как в прошлые годы...

А н н а. Да, грешна: угостила зверье,
Хоть пирушка не по доходам.

М у р а т о в. Непонятно, с какого зла
Совершила ты шаг постыдный?
Ты врагов в свой дом приняла...

А н н а. А кто друг, кто враг – нам не видно.
И что делать? Дороже жизнь.
И не к месту твои упреки.

М у р а т о в. На три дня мы лишь разошлись...

А н н а. Мне откуда знать ваши сроки?

М у р а т о в. Суд твою причастность признал...
Приговор, правда, мягкий вынес:
Помогать семье обязал,
Чтоб виною своей казнилась.

А н н а. Суд неправый мне не указ.
Мне-то чем прикажешь кормиться?
Пограбили многих у нас —
Я должна со всеми делиться?

М у р а т о в. Вы ж соседи! Как ты могла?
Человек был схвачен среди ночи...

А н н а. Я не видела... я спала.
А кто видел это воочью?
И не надо винить меня —
Власть одну сменяет другая —
Без властей не живем ни дня,
Хотя все привычно ругаем

М у р а т о в. Да священник все подтвердит!

А н н а. А ему-то печаль какая?
Может, он и сдал Николая?

М у р а т о в. Только он-то тебя винит!

А н н а. И ты веришь в его поклеп?
Так на исповеди не у него я.
Вот уж поп – толоконный лоб...
Он соврет вам и не такое.

Подходит О. Владимир.

О. В л а д и м и р. Анну думаешь устыдить?
Так усилья твои впустую.
Бесполезно ее корить
Время тратишь ты вхолостую...
(Анне). Вижу, радостно лишь тебе
Умножать чьи-то беды и горе.
Всем пришедшим не по себе.
У тебя лишь одной во взоре
Ни стыда, ни раскаянья нет.
Но предательство Бог накажет
Через год или много лет
Только слово свое он скажет.
Будь покорна теперь судьбе,
И людей не вини – не надо.
Мой совет житейский тебе —
Не проси и не жди пощады.

М у р а т о в. Что ж, никто и не виноват?

О. В л а д и м и р. Есть у каждого оправданье.
Но при встрече отводят взгляд,
И на все вопросы – молчанье.
Мне бессмысленно спорить с тобой.
Ибо правда, увы, сурова.
Ты принять был обязан бой,
Ты же принял роль вестового.
Завязавшаяся стрельба
Ваших чоновцев насторожила б,
И успешной стала борьба,
Коль умножились ваши силы.

М у р а т о в. Лучше, если б я был убит?
Нам же уничтоженье грозило!

О. В л а д и м и р. Это ведал и Леонид —
Царь спартанский при Фермопилах.

М у р а т о в. Стародавние времена...

О. В л а д и м и р. Но пример остался нетленным...

М у р а т о в. По-иному ведется война
И оружием современным.

О. В л а д и м и р. Укрепляют примеры дух,
А забвение дух ослабляет.

М у р а т о в. Ты – воитель из нас из двух —
Твоя речь к тому и склоняет.

О. В л а д и м и р. Я военной науке чужд,
К ней и прочих я не неволю.
Но ты взялся за этот гуж,
Значит, выбрал сам свою долю.
А у ратных один завет:
Воевать, живота не жалея...
Лишь сраженья дают ответ,
Кто из нас для Бога милее.
Но, не выполнив ратный долг,
Ты послужишь дурным примером.
Для солдата – это упрек,
И позорище для офицера.

А н н а. Ты один среди нас святой!

О. В л а д и м и р. Я себя больше всех обвиняю:
Заглушен мой голос толпой,
Увещаньям моим не внимают.
Таковы повороты судьбы!
Перед нами грустная повесть.
Но стоящие здесь гробы
Не смущают ничью совесть.

М у р а т о в. Не возглавишь ли трибунал,
Чтоб меня обвинить как труса?

О. В л а д и м и р. На высокий сей пьедестал,
Вот те крест и слово – не рвусь я.
Мне не позволяет мой сан
Осуждать поступки людские...
Потому суди уже сам
Ты грехи свои и чужие...
Справедлив ли наш суд сплеча?
Для погибших нет воскрешенья.
Ну а тем, кто помог палачам,
Нет прощенья и искупленья.
Где бы каждого повеличать,
Пока их тела не остыли,

Мы готовы всех обвенчать
Во всеобщей братской могиле...
В мир иной распахнута дверь,
Кто придет к победному пиру?
После стольких людских потерь
Кто ухнется победой Пирра?
Не хотим людей убеждать —
Все решаем бездумной силой.
И готовы только стрелять
И копать, и множить могилы...

М у р а т о в (Анне). Не Василий твой там лежит —
Среди прочих из эшелона?

А н н а. Как лежит? Где лежит? Убит?

М у р а т о в. Старшим был он в отряде ЧОНа...

Муратов отходит, Анна опускается на колени возле одного из гробов.

А н н а. Как же он-то сюда попал?

О. В л а д и м и р. Значит, он был послан с отрядом,
Но Муратов бросил вокзал,
И Василий попал в засаду...
(Отходит).

А н н а. Вот она, расплата за грех?
Неужели виновна одна я?
И теперь казниться за всех
До конца своих дней должна я?

Гробы закрывают и опускают в могилы.

М у р а т о в. Не хватает ни слез, ни слов,
Чтобы высказать наше горе —
Горе братьев, сирот и вдов,
Беззащитных в житейском море...
Мы не знаем многих имен
Тех, кого в ту ночь расстреляли
Из отвергнутых нами времен
Набежавшие волчьей стаей.
Нам приходится хоронить
Счастью общему преданных самых
И уже своими делами.
Их мечты в нашей жизни свершить
Сохранить удастся ли нам
В зыбкой памяти это мгновенье,
Передать грядущим векам

Наше к вечности прикосновение?

У могилы остаются Соболевская, Сургучева, Котлова.

З а т е м н е н и е.

На экране – валун на берегу реки с надписью:

«Здесь, на берегу р. Оредеж в 1919 г. были расстреляны белогвардейцами Первый председатель Вырицкого Совета Соболевский Н. Н., комиссар просвещения этого Совета Сургучев В. Н. и 16 комсомольцев-чоновцев. Захоронены у станции Вырица».

У заросших травой камней,
Что фундаментом дома были,
Возвращаюсь в одну из ночей,
Сохраненных в семейственных былях.
Очевидцев поздно кричать,
Нет ни стен, ни вдовьих стенаний...
Ну а камни привыкли молчать
И не жалуют воспоминаний.
Кто их любит? Кому нужна
Боль из века, что нами прожит,
Где огромнейшая страна
Шла к мечте своей по бездорожью.
Были взлеты, победы и стон,
Отдавались жизни и силы...
Мы зажгли жертвам Вечный огонь,
Но огонь своих душ погасили.

г. Ленинград

1966 год

.

РЕВИЗИЯ

«Вера в призраки свойственна всем
временам, всем народам, всем людям;
быть может, ни один человек не свободен от нее совершенно».

Шопенгауэр

Инсценировка по мотивам книги Г. А. Соломона «Среди красных
вождей»

Действующие лица:

Красин Леонид Борисович, нарком внешней торговли
Соломон (Исецкий) Георгий Александрович, руководитель Российского торгпредства
в Эстонии

Мария Николаевна, его жена

Литвинов Максим Максимович, дипломат, сменивший Гуковского и Соломона

Иоффе Адольф Абрамович, дипломат

Гуковский Исидор Эммануилович, руководитель Российского консульства в Ревеле

Никитин, несостоявшийся ревизор

Якубов, представитель РКИ, председатель Ревизионной комиссии

Колакуцкий, сотрудник ВЧК

Маковецкий Ипполит Николаевич, управляющий делами торгпредства

Ногин П. П., главный бухгалтер

Фенькеви И. И., заведующий транспортным отделом

Волынский, заведующий коммерческим отделом, протеже Красина

Седельников Тимофей Иванович, порученец Москвы

Спиридонов, порученец Соломона

Левашкевич Апьберт Сигизмундович, Кальманович – адвокаты

Поставщики: Трушкин, Бутков

Инженер – представитель фирмы «Эрикссон»

Сливкин, порученец Зиновьева

Зиновьев, Волынский, Эрлангер – телефонные абоненты

Госпожа Калл и Бредфор

Посетители I и II

Место действия – Ревель (Таллин)

Время действия – 1921 – 22 годы

ПРОЛОГ

Москва. Каменный мост. Красин и Соломон на прогулке.

К р а с и н. Что твоя встреча с Лениным?

С о л о м о н. Зовет работать...

К р а с и н. Прекрасно! Ты согласился?

С о л о м о н. Пока – нет. Пугает он меня своими лозунгами. Мы победим! Мы всколыхнем весь мир! За нами пролетариат!

К р а с и н. Да, митинговщина в нем есть...

С о л о м о н. Я ему напомнил его слова десятилетней давности о вреде максимализма в политике. Теперь он считает, что назрели другие времена. И того Ленина, которого мы знали, больше не существует. Для нового Ленина истина момента в коммунизме, который должен быть введен немедленно.

К р а с и н. Это для тебя в новинку. А мы уже привыкли.

С о л о м о н. К чему привыкли? Ведь он сам утверждает, что это эксперимент. Но люди – плохой материал для экспериментов. Неужели он этого не понимает? Неужели никто не может ему возразить?

К р а с и н. Никто. Вокруг него либо фанатики, верящие в исполнимость его предначертаний, либо слепые исполнители, стадом идущие за вожаком, либо примазавшиеся из карьеристских побуждений, либо рвачи, любители половить рыбку в мутной воде.

С о л о м о н. Но он-то умный человек, неужели не видит этих людей? Или легкость Октябрьского переворота вскружила ему голову?

К р а с и н. По-моему, он всех глубоко презирает... А не трогает, чтобы росла численность партии... Мне так кажется...

С о л о м о н. Помнится, ты с ним вел непримиримые споры...

К р а с и н. Спорил... Но надо когда-то и дело делать.

С о л о м о н. У тебя неприятности?

К р а с и н. Меня назначили помощником Каменева в делегации, которую я до сих пор возглавлял в Лондоне.

С о л о м о н. Чем мотивировали?

К р а с и н. Я, оказывается, мало обращал внимания на пропаганду идей мировой революции среди английских пролетариев... не установил никаких связей в этом направлении...

С о л о м о н. И ты – согласился?

К р а с и н. Я просил вообще освободить меня от переговоров, но Ленин стал уговаривать, а политбюро категорически потребовало, чтобы я подчинился.

С о л о м о н. И восторжествовала «партийная дисциплина», третирующая членов партии как безвольных и бесправных рабов, так?

К р а с и н. Увы...

С о л о м о н. Но это же издевательство над элементарным чувством человеческого достоинства! Не узнаю тебя...

К р а с и н. Я знал, на что шел...

С о л о м о н. Что же дальше?

К р а с и н. Буду работать. Новая власть совершает ряд нелепостей: уничтожает технические силы, спецов, заменяет их рабочими комитетами, беспомощными и безграмотными в простейших вопросах. Уничтожение буржуазии – еще одна нелепость. Буржуазия и в Европе еще не сказала своего последнего слова, а у нас тем более... Ей рано петь отходную.

С о л о м о н. Тем скорее большевики сломают себе шею.

К р а с и н. Сомневаюсь я в скоротечности их власти.

С о л о м о н. Вот как? Раньше ты говорил другое.

К р а с и н. Раньше и большевики были в растерянности от своего успеха в октябре. И верилось в силу населения, которому новый режим был отвратен, верилось, что у него есть силы для борьбы. Но разгон Учредительного собрания без всякого протеста со стороны демократов ввел меня в сомнения...

С о л о м о н. Они так сильны?

К р а с и н. Они организованны – в сравнении с неорганизованностью населения, его усталостью, инертностью, безвольностью, неспособностью к борьбе в данный момент.

С о л о м о н. Мрачная перспектива вырисовывается...

К р а с и н. Да... Они все прибирают к рукам – это еще можно понять. Но они бессмысленно тратят все, что было накоплено старым режимом. Боюсь, что затянется это лихолетье на годы, пока хватает старых запасов, пока можно реквизировать и хлеб, и деньги, и готовую продукцию и можно кое-как – хотя черт знает как – вести промышленность... Словом, скорого конца не предвижу скорого конца...

С о л о м о н. В хорошенькое время мы живем...

К р а с и н. Ты говорил, у тебя есть предложения?

С о л о м о н. Есть... Самостийная Украина предлагает мне возглавить Государственный банк. Отказался, конечно. Много предложений из-за рубежа. Но работать в Европе – это работать против России. Тоже отказался...

К р а с и н. Да, Россию нигде не любят, а новый режим – лишь повод строить козни против страны, которой мы всем обязаны.

С о л о м о н. И что?

К р а с и н. К сожалению, история развивается не так, как нам грезится в мечтах и теориях...

С о л о м о н. Это ты к чему?

К р а с и н. Имеем ли мы право при всех отрицательных деяниях новой власти оставаться в стороне? Ведь у нас есть связи, наработки, опыт...

С о л о м о н. Предлагаешь работать на новый режим?

К р а с и н. Может быть, в интересах служения народу русскому пойти на службу, внести в дело что-то здоровое? Может быть, удастся повлиять на большевиков, удержать от тех или иных безумных шагов? Надо бороться хотя бы с уничтожением буржуазии и специалистов, способствовать восстановлению их престижа...

С о л о м о н. Сам-то веришь в такую возможность?

К р а с и н. Не знаю. Но, отойдя от дела, мы превратимся в давно осужденных русской литературой героев.

С о л о м о н. В лишних людей? Но в их появлении виноваты не только они, но и общество, которому они не нужны.

К р а с и н. Не нам бы с тобой вести эти разговоры.

С о л о м о н. Не нам.

К р а с и н. Если мы сейчас отойдем в сторону, чего стоят идеалы нашей молодости?

И главное: специалисты большевикам нужны. Они допускают нелепости, но и специалисты не гнушаются прямым саботажем.

С о л о м о н. Думаешь, большевики доверят мне хоть какое-нибудь дело?

К р а с и н. Об этом я позабочусь. Но легкой жизни не обещаю... Эти люди, дорвавшись до власти, строят свой фантастический эксперимент, не считаясь с живыми людьми, с их страданиями, принося людей в жертву своим утопическим устремлениям... С этим сумасшествием тоже предстоит бороться. Но как? Борьба в лоб осуждена на провал. Может быть, ради возрождения демократических ценностей нам и следует поработать?

С о л о м о н. И ты присмотрел мне место?

К р а с и н. Проездом из Лондона я заглянул в ревельское представительство. Видел я виды, но там такое, что не отплюешься. Некто Гуковский, дорвавшись до высокого поста и, между нами говоря, подкупая все верхи своими подарками (кроме Ленина и Рыкова, к которым он благоразумно и не суется), чувствуя себя неуязвимым, всю разошелся... Заграничная пресса полна описаниями его походов... Мне в Лондоне все в глаза тычут Гуковским, не исключая самого Ллойд-Джорджа. Словом, скандал.

ЦК партии – а там все его друзья-приятели, потому что всем «дадено» – сконфузился, начал его одергивать, но Гуковский закусил удила.. Все остается по-старому – и кутежи, и оргии продолжают. И все дерут, от последней машинистки до самого Гуковского. Пригрозил ему смещением, а он: «Это мы еще посмотрим, как вы меня уволите... Я без борьбы не сдамся, меня весь ЦК знает... Смотрите, Леонид Борисович, не сломайте на мне зубы!» Я и прошу тебя заменить его.

С о л о м о н. Думаю, я не та фигура. Я уже был в Берлине, в Гамбурге, да и здесь, в Москве... Ты знаешь, чем это кончилось и чего это стоило тебе. Для дела лучше остановиться на другом, более эластичном кандидате...

К р а с и н. На ком, Жора? Я верю тебе...

С о л о м о н. Но если так, как ты говоришь, там нужна серьезная ревизия и последующие санкции.

К р а с и н. Боюсь, и ревизия не выявит всх безобразий, что там творятся.

С о л о м о н. Но без ревизии невозможен даже прием дел.

З а т е м н е н и е.

Постановление Совета народных комиссаров и Политбюро ЦК ВКП (б): «По представлению товарища Красина Л. Б. освободить товарища Гуковского И. Э. от должности полномочного представителя Наркомвнешторга в Эстонии и назначить на эту должность товарища Соломона Г. А.»

КАРТИНА I

Ревель. Гостиница «Петербургская». Гуковский в своем номере, превращенном в кабинет, в тяжелом похмелье сидит за столом.

Входит Соломон.

С о л о м о н. Здравствуйте...

Г у к о в с к и й. А-а, явились-таки... А я уж думал, не вымысел ли этот новый назначенец, не призрак ли, которым меня стараются испугать... Так вы – Соломон или Исецкий? Как вас прикажете именовать впредь?

С о л о м о н. В документах указано.

Г у к о в с к и й. Ну, документы и купить можно. Эти партийные клички и псевдонимы создают определенные затруднения в общении. Не поймешь, человек перед тобой или привидение. Из каких краев нынче? Из Стокгольма? Из Москвы? Или с Марса?

С о л о м о н. Из Москвы.

Г у к о в с к и й. А почему вы остановились не здесь, не в этой гостинице, а в «Золотом Льве»? Мне это не нравится... Чураетесь простых тружеников? Спесь дворянская проявилась? Я предпочел бы, чтобы вы жили здесь, вместе с нами.

С о л о м о н. Об этом мы поговорим на досуге, а сейчас давайте говорить о делах.

Г у к о в с к и й. О каких делах?.

С о л о м о н. Вы, вероятно, уже в курсе... Вот предписание о моем назначении на ваше место. Когда я могу принять дела?

Г у к о в с к и й. Ну, до этого еще далеко...

С о л о м о н. Как я должен это понимать?

Г у к о в с к и й. У вас только это предписание, удостоверение, а у меня есть кое-что поинтереснее. Например, письмо от известных вам товарищей из ЦК партии...

Вот я вам сейчас и покажу, и почитаю... Вам полезно будет послушать. «Дорогой Исидор Эммануилович, спешу уведомить Вас, что, несмотря на все мое противодействие, Красин добился от Политбюро Вашего смещения и назначения на Ваше место Соломона. Но я беседовал по этому поводу с Николаем Николаевичем, и он сказал мне, что назначение это не представляет собой чего-нибудь категорического, и Вам надо будет самому сговориться с Соломоном, чтобы он согласился остаться в возглавляемом Вами представительстве в качестве заведующего коммерческим отделом или Вашего помощника по коммерческим делам...»

А вот еще письмо того же автора: «...Мне удалось отстоять, чтобы вы остались в Эстонии в качестве политического представителя, т. е. посланника, и поэтому Вам незачем уезжать из Эстонии, и все остается по-старому. Сговоритесь с Соломоном. В чем можно, уступите, чтобы не обострять отношений ни с ним, ни с Красиным.

С этим совершенно согласен и Николай Николаевич».

Кстати, Николай Николаевич с вами тоже беседовал? Он вменил вам в обязанность не очень натягивать вожжи? И зачем передачу дел превращать в ревизию? И по поводу ревизии я извещен. Слышали, поди, про Аванесова? Да, да, тот самый, из ВЧК. Так вот он пишет: «Согласно требованию Красина и Соломона я назначил ревизором для проверки отчетности и дел Ваших молодого сотрудника Никитина. В бытность Вашу членом коллегии РКИ Вы были его начальником, и я ему об этом напомнил, рекомендуя держать себя тактично и предусмотрительно и советоваться с Вами при производстве ревизии, не позволяя себе выходить за границы. Никитин как ревизор никуда не годится, и я должен был, чтобы не поднялся крик и склока, выдать мандат на право производства ревизии также и Ногину, приглашенному Соло-

моном в качестве главного бухгалтера. Бояться Вам абсолютно нечего, мы сделаем все, чтобы обрезать Соломону крылья».

Гуковский частью письма читает сам, частью показывает и дает читать Соломону.

Г у к о в с к и й. Теперь вы видите, что ваше назначение недостаточно выяснено и что нам нужно сговориться о той должности, которую я могу и хочу вам у себя предоставить. Ни о какой приемке дел от меня и речи быть не может. Никитина я могу просто не допустить до ревизии... Поэтому я предлагаю: останьтесь у меня в качестве заведующего коммерческим отделом. Будете получать хорошее жалованье и, по существу делать все, что вам угодно в коммерческом отделе.

С о л о м о н. Вы все сказали?

Г у к о в с к и й. Нет. Я не люблю торговаться. Бог с вами, берите место моего помощника, ведающего всей коммерческой частью... Идет?

С о л о м о н. Вы кончили?

Г у к о в с к и й. Да, я кончил и жду ответа.

С о л о м о н. Мой ответ будет краток... Я назначен полномочным представителем Наркомвнешторга в Эстонии и, согласно приказу Политбюро, прибыл для принятия должности от Вас. Вы предъявляете частные письма своих друзей из ЦК. Не вхожу в их оценку, но все эти письма – уголовное преступление, и ваши корреспонденты – уголовные преступники. Ни в какие сделки ни с вами, ни с вашими друзьями я входить не намерен и буду вести ту линию, которая указана мне правительством.

Г у к о в с к и й. По-вашему, я тоже «уголовный преступник», как и мои друзья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.